

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
НЗ4

В оформлении издания использована иллюстрация
Марины Павликовской

Наумова, Элина.
НЗ4 Квартира. Карьера. И три кавалера / Элина Наумова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-092077-8

Москва — город, в котором не бывает чудес. Однако умом и трудом в нем можно кое-чего достичь. За десять лет жизни Катя Трифонова добилась больших карьерных высот и стала владелицей трехкомнатной квартиры в центре столицы. Вот только с любовью никак не складывалось. Сколько ни размышляй, сколько ни бейся, умом и трудом любви не создашь. Катя встречалась с двумя мужчинами, пытаясь выбрать лучшего. А в это время неизвестный маньяк пугал ее, заваливая прекрасными розами. И когда Катя почти отчаялась найти любовь и защиту, наступила развязка, которой никто не мог ожидать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092077-8

© Наумова Э., 2018
© Павликовская М., иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ПРОЛОГ

То детское воспоминание уже давно не преследовало Катю Трифонову, взрослую тетю тридцати трех лет, не догоняло и не мучило вопросом: «Что плохого сделала мама?» Отстало постепенно, заблудилось во времени. Ответ перестал быть нужен и, разумеется, сразу же нашелся: «Что сделала, то и плохо».

Случилось это в новогоднюю ночь. Тогда маме было тридцать, а Кате десять. Нежная женщина слегка перебрала шампанского. И в этом святом состоянии тихонько подпевала нелепо наряженным людям на телеэкране. А те исполняли заунывные древние песни. У девочки возникло колкое ощущение, что, если от любви так выглядят и так ноют, то ну ее, хваленую. Казалось, между любовью и бесконечными отчаянными расставаниями с невыносимой тоской можно было ставить знак равенства.

Пока Катя разочаровывалась в неведомом еще чувстве, мама схватила за рукав прохо-

дившего мимо ее кресла папу. И начала многословно вспоминать, когда впервые услышала каждую мелодию. По мере перечисления из ее глаз текли слезы, а губы улыбались. Катя такого никогда не видела. Папа вырвался и скрылся в кухне, отчетливо буркнув: «Сентиментальная дура». В его тоне было столько брезгливой злобы, что Катя вздрогнула. «Зато ты у нас не-сентиментальный умник, — неожиданно визгливо крикнула ему в спину мама. — Заодно и бездушный!» Но сразу махнула рукой, приложилась к бокалу и завела про милого, спустившегося с горочки. С ним ей тогда было явно гораздо лучше, чем с мужем.

Утром Катя открыла словарь на букве С. Значение слова «слащавый» озадачило. Девочка определила бы состояние мамы как горькое. Со значением слова «сентиментальный» Катя согласилась. Да, вполне терпимо — подумаешь, чувствительность на разные лады. Но почему голос папы звучал так ужасно? Будто сентиментальность не только верная компаньонка глупости, но и проступок. Вина и стыдная беда одновременно. Катя ничего не поняла. Но запретила себе многословно откровенничать даже с подружками. Особенно, когда возникает настроение болтать и выбалтывать. На всякий

случай. Еще не хватало распахнуть душу при какой-нибудь Машке, Ирке, Галке и услышать в ответ: «Сентиментальная дура».

Давалось следование запрету тяжело. Смысл девчачьей дружбы в искреннем трепе. Но постепенно вошло в привычку. А потом, как водится, стало натурой.

У любого человека есть ощущение собственной судьбы. Кате представлялось, что ее жестокая безумная сволочь-судьба играет с ней, как с мячиком. Хватает и зашвыривает куда подальше. Потом долго ищет, рассматривает, подбирает и вновь бросает. Ее дело быть тугой и твердой. Не разбиться и не расплющиться о землю. Бодро катиться вперед по инерции, упиваясь тем, что ты сама на что-то способна. Не дать себя раздавить, пока валяешься невесть где и ждешь следующего полета. А куда денешься? Мыслительница рано догадалась, что, забудь ее судьба под каким-нибудь лопухом навсегда, будет гораздо хуже. Приходилось лелеять в себе упругость и твердость. О сентиментальности даже речи не шло. Презренное качество.

Но, прописавшись в центре Москвы в собственной квартире, Екатерина Трифонова впервые сломалась.

Был августовский вечер пятницы. За окном сложно шумел дождь: струи тихо похлопывали друг друга по бокам и звучно плюхались на асфальт. Из открытого окна тянуло прохладой. Она уже не сулила облегчения в жаркой городской плавильне, но вызывала щемящие подозрения, что на этом благодать запросто кончится. Будет лить до сентября, до октября, до ноября... Словом, прощай тепло, бабье лето теперь является не каждый год.

Девушка бездумно взяла плотный лист бумаги, уселась за письменный стол и аккуратно вывела: «Мои прекрасные москвичи, которым я буду благодарна до смерти. И, наверное, после». Прочитала, недовольно фыркнула, скомкала испорченный листок, достала чистый. Ее расстроил и рассердил не смысл написанного. Что чувствовала сквозь подступивший к горлу комок, то и выразила. Каких москвичей она собиралась перечислить? Своих, ставших любимыми, едва ли не родными. Есть за что говорить им спасибо каждый день? Конечно. В нее мама с папой столько не вложили. А эти, чужие, дали все, что она знала и умела плюс работу и крышу над головой. Катя полагала, что никогда не докатится до наглой мысли: «Благополучные интеллигентные люди старались не

ради меня. Им важно изредка демонстрировать нержавеющей порядочность самим себе, друзьям, врагам. Будь я тупее и слабее, ничего не получилось бы. Дело не в них, во мне».

Нет, все она написала правильно. Но каллиграфия! Буквы были кривенькие-косенькие, разной высоты и почему-то норовили не соединяться черточками, но обособиться. А ведь у хронической отличницы Трифоновой был лучший почерк в классе, в медучилище, в поликлинике. Все восхищались и завидовали. Катя, безжалостно усмехаясь, шутила: «По почерку определяют характер. У меня — идеальный». Шутку понимали не все. Некоторые считали ее заносчивой.

«Отвыкла, — удивленно подумала девушка. — Сколько лет не писала, только набирала на клавишах и экранах. С ума сойти. Так хочется красиво изобразить добрые слова, чтобы застеклить в рамку и повесить на стенку. Но не получается, не получается, не получается». Троекратное повторение сработало как заклинание. Девушка вновь написала свой трогательный заголовок. Получилось почти так же. Однако добиваться совершенства она не стала. Продолжила медленно и старательно, все больше увлекаясь процессом. Хотя пальцы

через несколько минут заломило от напряжения.

«Анна Юльевна Клунина.

Мой первый доктор в моей первой поликлинике на окраине Москвы. Научила честно пахать за символическую зарплату. И не бояться ни начальства, ни коллег, ни пациентов. Показала, как пользоваться столицей. Ее театрами за небольшие деньги и громадными пространствами бесплатно. А то я сидела в общаге безвылазно и уже не соображала, зачем сюда приехала. Когда умер Андрюша, и я загибалась в комнате на десять коек от несправедливости жизни, одной-единственной фразой отвадила от спиртного. Это как же надо меня знать и любить, чтобы десятком слов раз и навсегда вернуть в разум. Могучая женщина!

А когда она по собственным связям ушла в частную клинику, договорилась и обо мне. Должна была проститься, не было смысла тащить в новое место балласт. Но не бросила. Я стала операционной сестрой, о чем бесполезно мечтала, сидя на терапевтическом приеме. Первые нормальные деньги, первое снятое жилье, в котором я была одна за закрытой, а не открываемой каждые пять минут с пинка дверью, — все благодаря ей.

Потом, хоть она и отрицает свое участие, порекомендовала меня в главные медсестры. Если не с ее подачи, то как вообще руководство узнало о моем существовании? А было наверняка так: ее назначали заведующей отделением. И упомянули, что нужна главная медсестра, далекая от пенсионного возраста. Доктор опять назвала мое имя, хотя мы давно не работали вместе. И презентовала, как надо. Она умеет убеждать. Я уж и не знаю, за нее мне до последнего вздоха молиться или на нее.

Андрей Валерьянович Голубев. Андрюша.

Когда мы встретились, ему было за шестьдесят, мне — за двадцать. Ну и что? Он был настоящим любовником. Мы ложились на широкую кровать, на чистое белье, а не перепихивались в машине или на диване в съемной квартире очередного молодого приятеля. Там в голову не приходило даже намекнуть на то, что хорошо бы простынку постелить. Может, и к лучшему, что я не видела тех простынок. Наверняка были мятыми и грязными.

Андрюша был ласковым и неторопливым автором моего первого в жизни оргазма. Всему, что я умею в постели, научил он. Этот наставник не ограничивался сексом. Я жила у него, он кормил меня, одевал и баловал подарками. Сам

читал запоем и меня пристрастил. И еще часами со мной разговаривал! После него у меня с мужчинами было много чего. А спокойного долгого общения и разговоров на любые темы не случилось.

Казалось бы, живи и радуйся. Но я бесилась. Ох, как я бесилась. У него возле телефона лежала записная книжка с десятками имен, фамилий, адресов, номеров. Сначала я ее с изумлением листала — сколько контактов у человека. Даже учитывая его возраст, многовато получалось. Надо было беречь каждого встречного-поперечного, чтобы она так распухла. А потом уж стала замечать, что в мое отсутствие он принимает гостей — в сушилке оказывались то бокалы, то чашки и десертные тарелки из сервиза. Чудеса! Я должна была стесняться показывать ровесникам старика, а не он прятать от своих, пожилых, молодую девушку. Молчала только из гордости: не считает достойной, и не надо. Но как-то высказала свою обиду. «Для начала познакомься с ними заочно», — предложил он. И каждый вечер я выбирала из книжки имя, а он рассказывал про этого человека. Господи, чего только с его друзьями не случалось. И всегда они проявляли лучшее качество — доброту. Вот просто добрыми были, просто по-

могали людям в беде, не натужно, не в ущерб себе, а как-то естественно и даже весело.

Когда случилось забегать в общагу, я пересказывала все девчонкам. Иногда, наслушавшись, вся комната ревмя ревела от умиления. Особенно любили историю о том, как бизнесмен Антон Красильщиков подарил начинающей журналистке пишущую машинку. Ее все приятели послали. Даже у себя напечатать статью не разрешили. У каждого нашлась причина. А Красильщиков заметил, что женщина плачет, усадил в свой «Мерседес», выслушал. Потом принес машинку и подарил. И ничего взамен не требовал. И у девушки отличная карьера сложилась после этого.

В общем, шло к тому, что Андрюша пропишет меня у себя, завещает квартиру или вдруг да женится. А он как-то днем пришел с работы, приготовил нам ужин, лег отдохнуть до моего возвращения и умер во сне. Я нашла его уже остывающее тело. Бросилась звонить распрекрасным друзьям. И выяснилось, что таковых не существовало — трубки поднимали какие-то левые чуваки, то есть другие граждане. Андрюша их всех выдумал, не захотел признаваться, что абсолютно одинок. Когда я стала доставать его вопросами, начал имитировать

вино- и чаепития. А «выдать» что-нибудь про любого персонажа ему было легко. Московский книгочей и девочка со средним специальным образованием из провинции... Не могла я догадаться, что слушаю сказки...

Думала, все улеглось и успокоилось. Но вот пишу и не могу... Одно дело по крохотным кусочкам вразнобой это припоминать, а другое — последовательно целиком. Конечно, в итоге пришлось среди ночи беспокоить Анну Юльевну. Она посоветовала, что делать.

Так накрылась медным тазом моя двухкомнатная квартира с ремонтом. Я вернулась жить в общежитие и проклинать себя, невезучую доверчивую идиотку.

Кирилл.

Мразь — вот его сущность. Как этого подлеца зовут на самом деле, я не имею представления. Он играл в свои игры и врал мне с первой секунды знакомства. Нет, сначала искал меня в поликлинике и общаге, выслеживал около клиники и дома, изобретал повод заговорить, а потом только врал. Корыстный лживый выродок. Преступник. А я влюбилась до безумия. Никогда никого так не любила ни до, ни после. Это был маниакальный психоз, я бредила обаятельным скотом круглосуточно.

Дышала полной грудью только при нем, а без него обмирала и часто забывала вдохнуть. Не-ет, любовь в первой стадии — не душевная болезнь. Там душа вообще не задействована, только то, что ниже живота. Может, потом не-умная жажда быть вместе поднимается выше, к сердцу. Не успела выяснить.

Моя квартирная хозяйка тогда надолго уехала, и Кирилл перебрался ко мне в комнату. Как залиvisto пел про Пражский университет и раскладушку у строгой тетушки, гад. Якобы студент, торчал дома, пока я работала в клинике, в операционной. А вечером у него чередовались приступы страстного желания близости и нуднейшей ревности. Он будто доставлял наслаждение и тут же наказывал за него допросом: «Кто у тебя был до меня? Сколько? Каких?» Я рассказала про Андрюшу, чтобы отвязался. Нельзя же соперничать с покойным пенсионером. Он непоправимо слетел с катушек. Умер? Сам? Значит, ты его не бросала, значит, все еще любишь? Наверняка взяла на память ту дурацкую записную книжку. И, если не признаешься, значит, действительно не забыла развратного старикашку.

Потушить этот пожар не удавалось. Надо было бросить в огонь свое последнее и ждать,